

вступить с ним в переписку и обратился к В. В. Стасову (17 (29) апреля 1872 г.): «Когда придет Тургенев? ⁵⁵ < . . . > Я бы сам написал ему, только не хочу беспокоить его моим карикатурным слогом». ⁵⁶ Все это объясняет и тот факт, что два известных нам письма Антокольского к Тургеневу написаны под диктовку скульптора его учеником Я. И. Зильберманом. ⁵⁷ Самокритично утверждая, что он владеет «лучше резцом, чем пером», ⁵⁸ Антокольский не раз обращался к Тургеневу с просьбой о составлении официальных писем и бумаг. ⁵⁹ Тургенев же наряду с неправильностями языка Антокольского ⁶⁰ отмечал его «своеобразие» — «пахнет каким-то особенным букетом» ⁶¹ — и всячески содействовал тому, чтобы Антокольский написал и издал свои автобиографические «Записки». ⁶²

Получив тяжелое известие о смерти Тургенева, Антокольский писал в Россию: ⁶³ «Я много нашел в нем, а потому много и потерял». Ревниво следя за всем, что делалось после смерти Тургенева по увековечению его памяти, ⁶⁴ и принимая в этом активное участие, ⁶⁵ Антокольский был убежден, что «когда-нибудь построят национальный музей в Петербурге», куда «с благоговением» придет «потомство», ⁶⁶ чтобы почтить память великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева.

Л. И. Кузьмина

ТУРГЕНЕВ — ИЗДАТЕЛЬ ПИСЕМ ПУШКИНА К Н. Н. ПУШКИНОЙ

«Пушкин, — писал Тургенев Стасюлевичу 15 (27) марта 1874 г., — это мой идол, мой учитель, мой недосягаемый образец — и я, как Стаций о Виргилии, могу сказать каждому из моих произведений: „Vestigia semper adora“». ¹

Слова Тургенева образно и точно характеризуют проходящее через всю его жизнь личное и творческое отношение к Пушкину, а ту же цитату из

⁵⁵ Тургенев в апреле 1872 г. был в Париже и выехал в Петербург в начале мая.

⁵⁶ Антокольский, стр. 13.

⁵⁷ Там же, стр. 1005—1012. — Письма эти были переданы вдовой скульптора Е. Ю. Антокольской через его ученика И. Я. Гинцбурга в 1904 г. В. В. Стасову (см. письмо И. Я. Гинцбурга к В. В. Стасову от июля 1904 г.: ГПБ, ф. 738, № 127).

⁵⁸ Антокольский А. Н. Пыпину, без даты. ГПБ, ф. 621, № 31, лл. 28 и 29.

⁵⁹ Письма, т. XII, кн. 2, стр. 19 и 24.

⁶⁰ П. А. Кропоткин. Записки революционера, М., 1966, стр. 376.

⁶¹ Антокольский, стр. 586.

⁶² Очевидно, именно Тургенев поручил их редактирование А. Н. Лукиной. См.: там же.

⁶³ Е. Г. Мамонтовой (август 1883): там же, стр. 511.

⁶⁴ Там же, стр. 511, 517, 645.

⁶⁵ См.: Тургенев, Сб., вып. IV, стр. 280—281.

⁶⁶ Там же, стр. 282.

¹ Письма, т. X, стр. 213 и 593. Перевод цитаты: «Следы <прошлого> всегда обожай» (лат.); см.: Публий Папиний Стаций (ок. 40—95 н. э.). Фиваида, песнь XII, ст. 817. См. также: Тургенев, Сб., вып. III, стр. 388.

древнеримского поэта он повторил четыре года спустя в предисловии «От издателя» при публикации писем Пушкина к невесте и жене, Н. Н. Гончаровой-Пушкиной.²

Это издание писем поэта — одно из важнейших (не считая, разумеется, речи по поводу открытия московского памятника, 7 июня 1880 г.) среди многочисленных общественно-литературных выступлений Тургенева, связанных с Пушкиным, — лекций, статей, переводов, публикаций всякого рода на русском и французском языках с 50-х годов и почти до конца жизни писателя. Поэтому, несмотря на то что история опубликования писем Пушкина известна в основных чертах довольно хорошо,³ не лишним будет привести некоторые сведения, дополняющие наш краткий комментарий в XV томе *Сочинений*.

Переговоры Тургенева с дочерью Пушкина гр. Н. А. Меренберг⁴ о публикации писем ее отца, хранившихся у нее, начались весной (не позднее середины марта) 1876 г. Когда и как они познакомились, в точности неизвестно: вероятно, в Париже, где Тургенев прожил всю зиму 1875—1876 г. и куда гр. Меренберг могла приезжать из Висбадена — места ее постоянного пребывания. К сожалению, переписка между ними, возникавшая в связи с передачей и изданием писем Пушкина, до нас не дошла, кроме двух позднейших писем Н. А. Меренберг к М. М. Стасюлевичу.⁵ Как бы то ни было, Тургенев в один и тот же день, 23 марта (4 апреля) 1876 г., известил о получении им «вчера» писем Пушкина своих постоянных корреспондентов — М. М. Стасюлевича и П. В. Анненкова. Первому он, выполняя поручение гр. Меренберг «найти издателя», предложил напечатать письма в «Вестнике Европы» (см.: *Письма*, т. XI, стр. 241), что и было принято Стасюлевичем. От второго — своего всегдашнего консультанта в литературных (и особенно в литературно-общественных) вопросах — он хотел узнать его мнение о возможности издания писем — и узнать притом «теперь же», до того, как он увидится с до-

² «Вестник Европы», 1878, № 1, стр. 8.

³ См.: *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 603—606; *Сочинения*, т. XV, стр. 114—115. Другие указания на библиографию вопроса будут приведены ниже.

⁴ Графиня Наталья Александровна Меренберг (23 мая 1836—10 (23) марта 1913) — младшая дочь Пушкина; в первом браке была за гвардейским офицером Михаилом Леонтьевичем Дубельтом (1822—1900), сыном известного жандармского генерала Л. В. Дубельта, в прошлом помощника А. Х. Бенкендорфа по управлению III отделением и по надзору за Пушкиным. Брак оказался несчастливым. К концу 50-х годов они разъехались, и Н. А. Дубельт осталась без средств. Тогда ее мать Н. Н. Ланская (Пушкина) незадолго до своей смерти передала ей все письма поэта, хранившиеся у нее и предназначенные сначала в наследство старшей дочери, Марии Александровне Гартунг, с тем чтобы они могли послужить младшей дочери материальной поддержкой в трудную минуту. См.: А. П. Арапова. Н. Н. Пушкина-Ланская. Иллюстр. приложение к газете «Новое время», 1908, 19 и 23 января, №№ 11442 и 11446; см. также письмо Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 7 (19) июня 1876 г.: *Письма*, т. XI, стр. 273; то же подтверждает П. И. Бартнев: «Русский архив», 1912, № 1, обложка. — Разойдясь с мужем и добившись развода, Н. А. Дубельт в 1868 г. вторично вышла замуж за германского принца Николая Нассауского. Вследствие того что она не принадлежала по рождению к владетельному дому, брак их был мorganатическим, и она получила титул и фамилию графини Меренберг.

⁵ *Стасюлевич*, т. III, стр. 654.

черью Пушкина в Висбадене, по пути в Россию (эта встреча состоялась там 19—20 мая ст. ст.).⁶ Мнение Анненкова было ему тем более важно, что издатель и биограф Пушкина, имевший к переписке поэта давние и непосредственные отношения, мог дать ему ценные указания. «Я не успел еще прочесть их <т. е. письма>, — писал Анненкову Тургенев, — но увидел на обложках несколько замечаний, писанных Вашей рукою, из которых я мог заключить, что Вам эти письма известны <. . .> Напишите об них мне два слова — и почему они не были напечатаны до сих пор, хотя по всему было видно, что они были приготовлены к печати, так что даже некоторые места обведены карандашом как подлежащие к исключению? <. . .> Я бы желал знать Ваше мнение теперь же».⁷ Анненков тотчас отвечал длинным письмом, в котором выразил и свое резко отрицательное отношение к торгашеским замыслам дочери Пушкина, и свои сомнения в возможности и целесообразности публикации полного текста писем без их литературно-исследовательской обработки в виде биографического «этюда» — в том роде, в каком был таким мастером сам Анненков.

«А что касается до писем Пушкина, — писал он Тургеневу 4 (16) апреля 1876 г. из Баден-Бадена, — то вот уже 5—6 лет, как графиня Нассау-Дубельт продает свой секрет на всех площадях. Если Вы пробежали эти действительно драгоценные (для умного биографа) письма, то вы увидели, конечно, что они похожи на разговоры мужа с женой в 4-х стенах их спальни о людях и вещах. И вот дочка собирается показать народу папашу и мамашу нагишом, без всякой биографической рубашки — и притом за деньги. О покупателе она не заботится — будь хоть жид или первейший негодяй, рассчитывающий на выгоду скандала, лишь бы деньги дали. В 1869 г. она предлагала эти письма Каткову, мне, Соллогу в Петерб. <урге>, кн. Львову — всем встречным и поперечным, и в эти дорогие и деликатнейшие излияния поэта, раскрывающие его семейное горе, погружались бесчестные глаза — это всем хорошо известно — Антропова, Маркевича и др.; господа эти, полагаю, даже и выписали из них наиболее резкие места. Теперь эта обещанная переписка вам препровождена на комиссию: поместите ее в какой-либо публичный дом. Если бы я располагал какими-либо свободными деньгами, я бы купил эту исповедь Пушкина и, может быть, сделал бы из нее небезытересный этюд, во всяком случае этюд приличный и поясняющий дело. В таком виде переписке этой и следовало бы явиться по крайней мере на свет, а не так, как замышляет Меренберг-Дубельт, — т. е. получить деньги и бросить фамильную святыню в уличный ручей — пусть, кто хочет, тот и добудет ее вонючим крючком оттуда. На беду какая-то дама из самого высшего света нашего и умеющая читать по-русски сказала Меренберг, что за эту рукопись

⁶ *Письма*, т. XI, стр. 240; о встрече в Висбадене с гр. Меренберг см. в письме Тургенева к Ю. П. Вревской от 20 мая (1 июня) 1876 г.: там же, стр. 262.

⁷ Там же, т. XI, стр. 240; — обложки, упоминаемые Тургеневым, не сохранились (см. ниже, стр. 404). Отрывки из писем Тургенева к Анненкову по поводу издания писем Пушкина впервые опубликованы М. П. Алексеевым в рецензии на I том Писем Пушкина под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского (ГИЗ, М.—Л., 1926). «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», 1928, т. I, кн. 1, стр. 313. (Эта публикация не отмечена в примечаниях: *Письма*, т. XI, № 3903; т. XII, кн. 1, № 4498).

в России дадут ей 20 тысяч рублей. Шесть лет тому назад Графиня и требовала эту сумму в России, но, конечно, никто не дал ей и рубля, да и зачем давать, когда все уже *gratis* попользовались ею. Не знаю — насколько сбилась она теперь цену с своего товара, но знаю, что ей ничего другого не остается, как предоставить его, через посредника или лично, — бердинской или лейпцигской русской печати наравне с Ткачевыми, Эльпидиными и проч., разве найдется тароватый русский, который приобретет его из pietета к имени Пушкина. Вот мое мнение, которое сложилось у меня не со вчерашнего дня».⁸

У нас нет сведений о переговорах Н. А. Меренберг с названными Анненковым лицами — М. Н. Катковым, В. А. Соллогубом, кн. Львовым (которым — трудно сказать); имена врагов Тургенева — Л. Н. Антропова, Б. М. Маркевича — достаточно известны из его переписки и публицистики, чтобы понять возмущение Анненкова.⁹ Но известен один — и весьма характерный — случай торговли дочери Пушкина письмами отца, относящийся к 1866 г., т. е. всего через три года после смерти ее матери: Н. А. Дубельт вступила в переговоры с книгопродавцем и издателем сочинений Пушкина Я. А. Исаковым о продаже ему писем. Сделка не состоялась, но замечателен совершенно безграмотный перечень писем, составленный по поручению Н. А. Дубельт неким бароном Гротгусом, не знавшим русского языка, сохранившийся при черновике письма Исакова к младшей дочери Пушкина.¹⁰ Позднее, в 1873 г., слух о том, что живущая в Висбадене дочь Пушкина имеет «много писем отца, писанных к матери и проч., которые продавались (!) когда-то в Москве», дошел до М. П. Погодина, и взволнованный историк в письме к П. А. Вяземскому просил его «их выручить или сказать о том гр. Корффу, который живет в Висбадене», — в надежде на то, что «Пушкина, или герцогиня Насausкая, не имеет теперь ведь нужды в деньгах и позволит хоть списать их».¹¹

⁸ Письмо не издано; краткое изложение его содержания см.: *Письма*, т. XI, стр. 592; подлинник: *ИРЛИ*, ф. 7, № 11, лл. 22—23.

⁹ Л. Н. Антропов (1843—1884) — сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей», выступавший резко враждебно Тургеневу. См.: *Письма*, т. IX, по указателю имен; *Сочинения*, т. XI, стр. 464—465. Б. М. Маркевича, реакционного романиста и публициста, Тургенев позднее, как известно, сатирически изобразил в «Нови» (в лице Калломейцева и одновременно его друга «Ladislás», см.: *Сочинения*, т. XII, стр. 514—516); о столкновениях Тургенева в печати с «Иногородным обывателем» (псевдоним Маркевича) см.: *Тургенев, Соч.*, т. XII, стр. 608—612, 675—678; см. также: *Сочинения*, т. XV, стр. 184—185. Упоминаемые далее в письме Ткачев и Элпидин — П. Н. Ткачев (1844—1885), известный революционный народник и критик, с 1873 г. эмигрант, выступал в «Деле» с резкой критикой повести Тургенева «Вешние воды» (*Сочинения*, т. XI, стр. 468); М. К. Элпидин (ок. 1835—1908) — участник революционного движения, эмигрант, основатель вольной русской типографии в Женеве. Анненков намекает на то, что письма Пушкина по резкости и откровенности своих суждений могли бы заинтересовать эмигрантскую вольную печать.

¹⁰ Эти документы напечатаны Б. Л. Модзалевским в Предисловии к Письмам Пушкина, т. I, ГИЗ, 1926, стр. XIV—XV; в этой публикации Н. А. Дубельт ошибочно названа «старшей дочерью поэта». Подлинник: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 7, № 62.

¹¹ См.: Письма Пушкина, т. I, стр. XIV—XV; первоначально: «Старина и новизна», кн. IV, 1901, стр. 100—101. — М. А. Корф, лицейский товарищ Пушкина, был в то время директором имп. Публичной библиотеки.

Все эти обстоятельства, вероятно известные Анненкову так же, как и другие, отразившиеся в его письме, не могли не вызывать в нем тревоги; но они же побуждали Тургенева энергично взяться за дело и убедить Стасюлевича приобрести от Н. А. Меренберг, установив ее право распоряжаться этими документами, ¹² письма Пушкина для напечатания их в «Вестнике Европы». И Стасюлевич, хорошо понимая не только культурное значение этой публикации, но и выгодность ее для журнала, согласился приобрести у владелицы право на их опубликование, не приобретая, однако, самих автографов и обязуясь сделать Тургенева их ответственным редактором, как того хотела дочь Пушкина.¹³

Что касается знакомства Анненкова с письмами Пушкина к жене, то сохранившиеся в его архиве и частично опубликованные Б. Л. Модзалевским документы ¹⁴ показывают, что еще в начале 50-х годов, когда его братья, И. В. и Ф. В. Анненковы, по договоренности с Ланскими приступали к разбору рукописей и писем поэта для предстоящего издания (позднее переданного всецело на попечение их более сведущего брата — литератора), они заинтересовались не только рукописями Пушкина, но и его письмами к жене, полученными от Н. Н. Ланской. Копии с этих писем, святые (не очень умело) рукою Ф. В. Анненкова, частично сохранились в анненковском архиве.¹⁵ Здесь сначала идут полные копии писем Пушкина из его путешествия 1833 г., затем выписки из писем 1834 г., причем выписываются по преимуществу наиболее острые высказывания общественно-политического характера. По всей вероятности, это — наиболее ранняя стадия занятий братьев Анненковых письмами Пушкина — занятий, не доведенных до конца и не отразившихся в дальнейших работах П. В. Анненкова.

Самым интересным среди документов, относящихся к работе Анненкова над письмами Пушкина, является еще один сборник эпистолярных материалов, недавно ставший известным. Дело заключается в следующем.

В 1966 г. писатель Б. Н. Полевой — вице-президент Европейского сообщества культуры — получил сведения о том, что в Висбадене (ФРГ), у правнучки гр. Н. А. Меренберг (и, следовательно, праправнучки Пушкина) — Клотильды фон Ринтелен, ¹⁶ — хранятся какие-то автографы поэта.

¹² В письме к Стасюлевичу от 7 (19) июня 1876 г. Тургенев сообщал: «Дочь Пушкина сказала мне, что мать ее подарила ей эти письма — а yes plein poivoig <уполномочив ее> делать с ними, что хочет. . .» В это время он не был уверен, «жива ли вдова Пушкина», но добавлял: «Впрочем, это <т. е. заявление гр. Меренберг о праве распоряжаться письмами> нужно принять к сведению» (*Письма*, т. XI, стр. 273).

¹³ Последнее видно из предисловия Тургенева «От издателя» к публикации писем Пушкина. (*Сочинения*, т. XV, стр. 114—115). См. также ниже, стр. 412.

¹⁴ См. статью «Работы П. В. Анненкова о Пушкине» (в кн.: Б. Л. Модзалевский. П. В. Пушкин. Изд. «Прибой», 1929), где на стр. 351—371 опубликованы документы, извлеченные из бумаг Анненкова; подлинники: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 7, № 61; оп. 17, № 87.

¹⁵ В публикацию Б. Л. Модзалевского они не вошли; подлинники: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 7, № 18.

¹⁶ Сын гр. Н. А. Меренберг от брака ее с принцем Николаем Нассауским (1832—1905) — гр. Георг-Николай Меренберг (1871 — ум. после 1945), женатый на дочери Александра II от егоmorganатического брака с княжной Е. М. Долгорукой (св. кн. Юрьевской) — княжне Ольге Александровне Юрьевской (1873—1925), — имел сына, гр. Георга Михаила-Александра

По поручению Союза писателей СССР в начале 1967 г. в Висбаден отправился И. Л. Андроников. Переговоры его с г-жой фон Ринтелен привели, однако, к неожиданному и разочаровывающему результату: рукописи, которые в семье Меренберг и Ринтелен считались автографами Пушкина (прочтё же их они не могли, так как давно потеряли связи с русской культурой и не знают русского языка), оказались копиями его писем к жене. По просьбе И. Л. Андроникова, владелица согласилась принести документы в дар Советскому Союзу — и в настоящее время они находятся в Пушкинском доме.¹⁷

Копии сохранились далеко не полностью, многих писем не хватает, иные без начала или без конца; имеющиеся в наличии относятся к 1831—1835 гг. Почерк копий писарский, середины XIX в. В текстах много пропусков, сделанных, вероятно, в соответствии с теми отчеркиваниями карандашом на подлинниках, о которых запрашивал Тургенев Анненкова в письме от 23 марта (4 апреля) 1876 г. (см. выше). Но почти все эти пропуски и многие другие на месте неразобранных переписчиком слов заполнены рукою П. В. Анненкова. Им же записаны, после каждого письма, его адрес и почтовые штампы, иногда — соображения о датировке; в некоторых случаях им зачеркнуты строки, намеченные к исключению. И его же рукою надписаны сохранившиеся три обложки, пронумерованные переписчиком, на первой из которых читаем: «№ 3-й. Письма 1831. Копии с полным соблюдением правописания и пунктуации оригиналов».¹⁸ Здесь же — помета карандашом, рукою М. М. Стасюлевича: «NB. Первые 2 номера высланы Тургеневу в Париж». Эти первые две обложки заключали, очевидно, письма Пушкина на французском языке (в таких же копиях? или в подлинниках?) к невесте, Н. Н. Гончаровой, за 1830 г., что и объясняет слова Тургенева в цитированном письме к Анненкову: «...увидел на обложках несколько замечаний, писанных Вашей рукою, из которых я мог заключить, что Вам эти письма известны» (*Письма*, т. XI, стр. 240). Так оно и было; копии, по-видимому, делались по указаниям Анненкова, быть может, еще при жизни Н. Н. Ланской-Пушкиной, для предполагавшегося их издания или, вернее, для обработки их в виде «этюда». Затем они оставались у Н. А. Меренберг и в 1876 г. побывали (частично по крайней мере) в руках Тургенева; подлинники их, в процессе подготовки писем к публикации в «Вестнике Европы», были отосланы Стасюлевичу, и с них в Петербурге сняты копии, — но, конечно, не те, о которых мы сейчас говорили.

(1897—1965), офицера прусской армии; дочь последнего от второго брака — гр. Клотильда Меренберг (род. 1941) — состоит в замужестве за д-ром Энно фон Ринтелен.

¹⁷ *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 7, № 87.

¹⁸ Такого же содержания (в иных формулировках) надписи Анненкова на двух других обложках: «№ 4-й. Письма 1832 г. Копии с точным соблюдением правописания оригиналов» и «№ 5-й. Письма 1833 года. Копии с сохранением правописания подлинников». Приблизительно то же распределение по годам и по номерам обложек или пакетов (только с рядом ошибок) дает безграмотный список барона Гротгуса, напечатанный Б. Л. Модзалевским (П у ш к и н. Письма, т. I. ГИЗ, 1926, стр. XIV—XV), о котором упоминалось выше, и так же — по биографическим периодам — распределены они в публикации «Вестника Европы».

Таким образом, ясно, что Анненков в несколько приемов и очень внимательно изучал семейные письма Пушкина, думая их как-то обработать. В его «Материалах для биографии А. С. Пушкина» (Сочинения Пушкина, т. I. Изд. П. В. Анненкова, СПб., 1855) письма поэта к Н. Н. Пушкиной почти не отражены: отрывок одного из них — от 2 октября 1833 г. — кратко и вольно излагается на стр. 372—373; другое — от 24 апреля 1834 г. — приведено почти полностью на стр. 389—390;¹⁹ о последнем упоминается как о письме «к семейству, в дороге» в «Алфавитном указателе всех произведений в прозе», напечатанных в семи томах издания (Сочинения Пушкина, т. VII, 1857, стр. 191 второй пагинации). Дать больше Анненков, очевидно, тогда не имел возможности.

Сомнения П. В. Анненкова в целесообразности публикации полного текста писем Пушкина к жене объяснялись не только их интимным, семейным характером, полной свободой в выражениях, в языке и стиле, откровенными, резкими отзывами о правительственных и придворных кругах, о самом Николае I, но и общим тогда отношением к обнародованию личной переписки недавно умерших писателей и других деятелей, многие адресаты которых, друзья и близкие, были в момент публикации еще живы. Правда, люди наиболее передовые хорошо понимали значение личной переписки для биографии писателя: сам Пушкин, через полгода после смерти Дельвига, уже думал о том, чтобы «со временем» напечатать письма к нему умершего друга, и притом в виде двусторонней переписки, соединив их со своими письмами.²⁰ Но первая попытка публикации полных текстов писем Пушкина к его брату, Л. С. Пушкину, предпринятая другом обоих С. А. Соболевским в «Библиографических записках» 1858 г. — т. е. в специальном, мало распространенном издании и в период относительного ослабления цензурных строгостей, — вызвала резкие возражения со стороны такого, казалось бы, просвещенного человека, как П. А. Вяземский (бывший тогда товарищем министра народного просвещения), и официальный протест сына поэта, Г. А. Пушкина, основанный на положениях Цензурного устава.²¹ После этого «семейные» письма

¹⁹ «Здесь попадаете нам листок из семейной переписки его. Благоухание тихой домашней жизни, которым он проникнут, вероятно, оправдывает сообщение этой тайны» (стр. 389). Это письмо не вошло в публикацию Тургенева, так как подлинник его (теперь: *ИРЛИ*, № 602) остался после 1855 г. в бумагах П. В. Анненкова.

²⁰ См. письмо Пушкина к М. Л. Яковлеву от 19 июля 1831 г.: *Пушкин*, т. XIV, стр. 193—194.

²¹ См. в статье С. А. Переселенкова «Материалы для истории отношений цензуры к А. С. Пушкину» («Пушкин и его современники», вып. VI, стр. 34—41). Сводку данных о публикации писем Пушкина после его смерти см. в цитированном выше Предисловии Б. Л. Модзалевского к «Письмам Пушкина» (т. I, 1926, стр. IX—XIV). Ср. в статье М. П. Алексеева «Письма И. С. Тургенева», (*Письма*, т. I, стр. 81—137) историю публикации писем самого Тургенева, и в особенности «Первого собрания» их (1884). Здесь отмечена журнальная полемика, возникшая вокруг этого издания, отрицательные отзывы о нем многих влиятельных критиков, обвинявших редакцию сборника в безтактности, в том, что она оказала «плохую услугу» писателю, обнародовав его интимные письма, и т. д.

Пушкина не появлялись в печати вплоть до издания, предпринятого Тургеневым.

Отсюда понятны сомнения, высказанные П. В. Анненковым в приведенном письме к Тургеневу. Последний, ознакомившись с письмами Пушкина и получив письмо своего литературного советника, также поколебался в своем намерении издать документы, полученные от гр. Меренберг, и в следующем же письме к Стасюлевичу (от 8 (20) апреля 1876 г.) изложил свои соображения, почти дословно повторяя мысли, высказанные Анненковым. «Насчет писем Пушкина! — писал он. — Они крайне любопытны, — но, насколько удобны к печати, это другой вопрос. < . . . > эти письма скорее могли бы быть предметом биографического „этюда“ <выражение Анненкова в его письме> — чем поступить голым материалом в литературно-публичный водоворот» (*Письма*, т. XI, стр. 249—250).

Однако, переговорив с Анненковым в Баден-Бадене (17—19 (29—31) мая) и с гр. Меренберг в Висбадене, где он пробыл часть того же дня 19 (31) мая и часть следующего — 20 мая (1 июня), Тургенев договорился со Стасюлевичем при личном свидании в Петербурге, что он, Тургенев, будет продолжать переговоры с дочерью Пушкина и примет на себя редактирование писем. Тогда же, очевидно, он передал подлинники писем Стасюлевичу, чтобы снять с них полные копии и «послать переписанную рукопись (с выключенными местами) в Париж». «Я бы, конечно, не задержал одной минуты», — добавлял он в своем письме из Спасского (там же, стр. 288)

Дальнейшая история подготовки издания прослеживается, в ее главных чертах, по письмам Тургенева к Стасюлевичу (ответы последнего, к сожалению, не сохранились). «Безалаберная» графиня Меренберг, «хотя любезная, но взыбаломшная и легкоголовая барыня» (как называл ее Тургенев), согласилась на условия, предложенные издателем «Вестника Европы», «но желала бы непременно, — писал Тургенев 22 июня (4 июля) из Спасского Стасюлевичу, — чтобы я окончательно просмотрел и решил: какие места исключить должно. Мне, мол, она доверяется „aveuglement“ <слепое>» (там же, стр. 287 и 288). Однако ни летом 1876 г. в Спасском, ни осенью в Буживале подготовка писем к изданию не была начата: все это время Тургенев был всецело захвачен работой над «Новью», продолжавшейся до начала ноября.²² А главное — гр. Меренберг внезапно переменяла намерения, и «опять всё расклеилось», как писал Тургенев Стасюлевичу 17 (29) августа (*Письма*, т. XI, стр. 308). Графиня требовала «возвращения ей отцовских писем» (там же). Этого, к счастью, не было сделано, но работа над письмами прекратилась надолго.²³

²² *Сочинения*, т. XII, стр. 491—492, 499; *Письма*, т. XI, стр. 334, 335, 337, 339, 343—344, 348, 350 и др.

²³ В письме к Стасюлевичу от 24 августа (5 сентября) 1876 г. Анненков спрашивал: «. . . приобрели ли Вы, или отклонили от себя переписку Пушкина, которую, по поручению прежней Дубельт, а нынешней графини Меренбергши (дочери Пушкина), Тургенев собирался Вам предложить? Переписка очень любопытна < . . . > хотя из пиетета к Пушкину — я всегда отговаривал дочь его накладывать руку на отца и отдергивать занавесы постели. . . но так как она не чувствует к этому ни малейшего отвращения, то

Когда и как возобновились переговоры Тургенева и Стасюлевича с дочерью Пушкина, когда началась редакторская работа Тургенева над письмами, об этом у нас нет точных сведений. Но в письме от 24 сентября (9 октября) 1877 г. Тургенев сообщал Стасюлевичу о получении письма от гр. Меренберг, «в котором она заранее и с благодарностью на всё соглашается — и желает только, чтобы я продержал корректуру», — и замечал: «Вы, вероятно, скоро приступите к печатанью пушкинских писем» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 213).

Отсюда начинается новый — и важнейший — этап в истории публикации Тургеневым писем Пушкина. Уже 2 (14) ноября 1877 г. писатель извещал Стасюлевича о том, что «первые два листа корректуры пушкинских писем» им получены и что он «внимательно их перечел, сличил с оригиналом, выправил» и «сегодня же» мог бы отправить обратно, «если бы, — замечает он, — мы не ждали в Париж Анненкова, которому я также желаю показать корректуру» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 225). «Оригиналом» Тургенев называет, конечно, не подлинники, которые, как это видно из дальнейших писем, оставались в Петербурге у Стасюлевича, но снятые с них полные копии, по которым редактор (или «издатель», как он себя называет) — Тургенев — мог видеть орфографию и пунктуацию Пушкина и судить о том, что в наборе, по указаниям Стасюлевича, было выпущено или завуалировано. При этом, так как французские тексты писем Пушкина к невесте, Н. Н. Гончаровой, 1830 г., и одно письмо к ее матери, Н. И. Гончаровой, 1831 г. (всего 14 документов, или 13 по нумерации издателей, так как два письма — 26 ноября и около 1 декабря 1830 г. — сочтены за одно под № 11) решено было публиковать в русских переводах, последние были выполнены кем-то в Петербурге, набраны и присланы в Париж вместе с копиями французских текстов.²⁴

уже хотелось бы, чтобы переписка попала в порядочные руки и напечатана была с некоторыми необходимыми выпусками, приличием требуемыми. А, может быть, и всё дело это упало в воду и Вы ничего не знаете о нем. Tanto meglio «Тем лучше — итал.», но уведоьте» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 331).

²⁴ Копии, бывшие в Париже в распоряжении Тургенева, не сохранились, за исключением одной, — с первого письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой от 20 июля 1830 г. (*Пушкин*, т. XIV, стр. 102 и 329, № 506). Эта копия (оставшаяся нам недоступной) входит в собрание писем Пушкина к невесте, бывшее в руках Н. А. Меренберг, а теперь принадлежащее С. М. Лифарю в Париже. Подлинник письма утрачен и был, по-видимому, еще гр. Меренберг или ее дочерью, гр. Торби, заменен этой копией. Когда и как он отделился от собрания — неизвестно, но предположение М. Л. Гофмана о том, что, «по всей вероятности», он был утерян при печатании писем Пушкина в «Вестнике Европы», едва ли справедливо; скорее всего, он был подарен кому-нибудь гр. Меренберг после опубликования (см. замечания об этом в кн.: М. Л. Гофман и Сергей Лифарь. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Юбилейное издание. 1837—1937. <Париж, 1935—1936>, стр. 23 и 30). Так она поступила с двумя другими письмами Пушкина к невесте — около 29 октября 1830 г. (в публикации Тургенева № 8; теперь в *ИРЛИ*, № 527), переданным ею своей старшей дочери от первого брака, Н. М. Дубельт, в замужестве Кондыревой, — и около 1 декабря 1830 г. (в публикации Тургенева «к № 11»; теперь в *ИРЛИ*, № 530), подаренным ею врачу В. Б. Бертенсону; то же от-

Задержав работу на несколько дней из-за приступа подагры, Тургенев послал «тщательно выправленную» корректуру первой (переводной с французского) половины писем Пушкина при письме к Стасюлевичу от 15 (27) ноября 1877 г.; остальные тексты были отосланы при письмах от 16 (28) ноября и 19 ноября (1 декабря) (см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 229, 231, 232).

Многочисленные вопросы в этих и следующих письмах, а также выправленная Тургеневым корректура, сохраненная Стасюлевичем и теперь находящаяся в Пушкинском доме,²⁵ показывают, как внимательно и углубленно отнесся писатель-публикатор к принятой им на себя — в его глазах исключительно почетной и ответственной — задаче. При этом ему приходилось не только править прямые опечатки, допущенные в наборе, но исправлять — нередко по догадке — ошибочные чтения неразобравных переписчиком слов, что было нелегко при отсутствии подлинников писем, находившихся у Стасюлевича в Петербурге; он должен был исправлять и литературно обрабатывать русские переводы французских писем к невесте; наконец — и это было едва ли не главной его задачей, как редактора этих очень интимных, открытых и порой политически острых текстов, — он должен был назначить места, подлежащие изъятию или сокращению и обработке (зауваливанию имен и т. д.). Очень заботила его орфография и пунктуация писем Пушкина, в которых он мог сомневаться, имея перед глазами лишь копии, без оригиналов. Наконец, он чувствовал и свою неподготовленность к изданию таких трудных в историко-биографическом смысле текстов: «Многие поименованные лица мне неизвестны, — писал он Стасюлевичу 15 (27) ноября; — это дело комментатора (Ефремова?) — если он сочтет нужным разъяснить их» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 229). Из этих слов можно вывести заключение, что предполагалось снабдить издание писем подробным комментарием, разъясняющим множество упоминаемых в них имен и фактов. Но это не удалось, вероятно, потому, что Стасюлевич спешил с публикацией, желая именем Пушкина начать новый, 1878 год своего журнала. И уже по выходе в свет этого первого номера «Вестника Европы» Тургенев писал Анненкову: «. . . комментария я, по неведению отдельных фактов, составить не мог; говорено было об Ефремове, о Пылине. . . но всё это упало в воду» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 261). Письма вышли в свет с немногими, совершенно незначительными и случайными подстрочными примечаниями, сделанными, вероятно, самим Стасюлевичем, составившим и заголовки к биографическим периодам, по которым

носятся к первому письму Пушкина к жене из Москвы, 6 декабря 1831 г. (*ИРЛИ*, №№ 571 и 1449), которое было разрезано пополам еще до издания в «Вестнике Европы», причем конец письма остался у Н. А. Меренберг и был напечатан Тургеневым (под № 14), а начало оказалось в 1913 г. в альбоме С. Н. Шуваловой (Тургенев дважды в письмах к Стасюлевичу выражал недоумение по поводу этого явно неполного письма, см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 230 и 234).

²⁵ *ИРЛИ*, ф. 293, оп. 3, № 133; см.: «Сведения о рукописях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1903 г.», СПб., 1904, № 103, стр. 78—79, сост. В. И. Срезневским; то же: *Пушкин и его современники*, вып. II, 1904, стр. 12—13. Пояснения к вопросам и замечаниям Тургенева в письмах к Стасюлевичу см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 613—616.

разбиты письма. Такой же случайный, мало поясняющий содержание писем характер носит и редакционное предисловие к публикации, принадлежащее также Стасюлевичу, в котором следует отметить лишь указание на то, что г-р Н. А. Меренберг ²⁶ «поручила Ив. С. Тургеневу взять на себя просмотр и приведение в порядок этой переписки, а вместе и окончательное решение вопроса, что из текста писем может быть допущено в печать и что должно быть исключено: или как имеющее исключительно интимный, семейный характер, или как вообще неудобное для печати» («Вестник Европы», 1878, № 1, стр. 9—10).

Наибольшее количество поправок в корректуре вызвали со стороны Тургенева переводы французских писем Пушкина к невесте, не очень точно и умело выполненные в редакции «Вестника Европы». Правка его касается не только стилистических погрешностей, но и смысловых; однако стилистика нередко исправляется в ущерб точности, например: в тексте (конец августа 1830 г.): «*que le bonheur était fait pour moi*», в наборе: «что счастье было сделано для меня», исправление Тургенева: «что я был создан для счастья» (в современных изданиях: «что счастье создано для меня»); в тексте (11 октября 1830 г.): «*Je deviens si imbécile, que c'est une bénédiction*», в наборе: «Я делаюсь таким ничтожным, что это настоящее благословение небес», исправление Тургенева: «Я становлюсь совершенным идиотом: как говорится, до святости» (в современных изданиях: «Я так глупее, что это просто прелесть»); в тексте (26 ноября 1830 г.): «*et je ne demandais pas mieux que la peste*», в наборе: «и главным образом требовал справедливого», исправление Тургенева: «и главным образом я тогда готов был радоваться чуме» (в современных изданиях: «и я не желал ничего лучшего, как заразы») и проч.

Непонятым представляется нам исправление, внесенное Тургеньевым в ошибочный перевод начала первого письма (от 20 июля 1830 г.) и оставляющее перевод столь же неверным: в тексте:²⁷ «*J'ai l'honneur de vous présenter mon frère (qui vous trouve si jolie pour son propre compte et que je vous supplie de bien recevoir malgré cela)*», в наборе: «Имею честь вам представить моего брата, *которого вы находите* миленьким, независимо от всего прочего, но, несмотря на то, умоляю вас принять его благосклонно», исправление Тургенева: «. . . *которого вы находите* таким хорошеньким, независимо от того, что он мне брат; но. . .» (в «Вестнике Европы» «несмотря на то» переделано на «при всем том»); в современных изданиях: «Честь имею представить вам моего брата, *который находит вас* такой прелестной в своих собственных интересах и которого, несмотря на это, я умоляю вас принять благосклонно»

²⁶ В корректуре писем, хранящейся в ИРЛИ, набрано: «Марии Александровны Меренберг», исправление «Марии» на «Натальи» внесено рукою Стасюлевича; почему Тургенев в письме к Стасюлевичу от 15 (27) ноября 1877 г. (Письма, т. XII, кн. 1, стр. 230) указывает ему поправку «дочь Пушкина — не Александра, а Наталья. . .», не знаем.

²⁷ По копии с утраченного подлинника, находящейся в собрании С. М. Лифаря и, по словам последнего, бывшей в руках Тургенева (см. выше); точность этой копии не вызывает сомнений, почему и ошибка Тургенева непонятна.

(здесь и выше отмечена курсивом фраза, переведенная в «Вестнике Европы» ошибочно).²⁸

Французские письма Пушкина к невесте не нуждались в «цензорском» просмотре, в сокращениях и изменениях текста; но письма к жене, начиная с № 15 (8 декабря 1831 г.) были именно с этой стороны тщательно просмотрены Тургеневым. Вот некоторые из внесенных им сокращений и изменений (№№ по «Вестнику Европы»):

№ 20. «не сводничай Окулову»; правка Тургенева: «не услуживай Окулову»; *ВЕ*: «не . . . Окулову».

№ 22. «Уж не кою ли я?»; правка Тургенева: «Уж не . . . ли я?»; *ВЕ*: «Уж не к . . . ли я?».

№ 35. «В самом деле не забрюхатела ли ты? что ты за недотыка?»; Тургеневым и *ВЕ* — заменено точками.

№ 38. «Ты радуешься, что за тобою ∞ Было бы корыто, а свиньи будут»; Тургеневым все вычеркнуто и приписано: «заменить точками»; *ВЕ* — частично восстановлено (см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 261).

№ 42. «К наследнику являться ∞ не намерен»; Тургеневым заменено: «не буду»; *ВЕ* — так же.

«упек меня в камер-пажи»; Тургеневым заменено: «произвел меня»; *ВЕ* — «упек меня».

«с порфирородным своим тезкой»; Тургеневым заменено рядом точек; *ВЕ* — так же.

«ссориться с Царями»; Тургеневым слово «Царями» заменено точками; *ВЕ* — «с царями».

№ 46. «Царь посадил Наследника под арест»; Тургеневым слово «Наследника» заменено точками; *ВЕ* — «Н. . .».

№ 47. «Я пишу тебе не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники». Тургеневым вся фраза заменена точками; *ВЕ* — фраза опущена без замены точками.

№ 50. «свинский Петербург». Тургеневым слово «свинский» заменено точками; *ВЕ* — восстановлено.

№ 51. «свинство почты» — то же, что и в № 50.

К № 53. «по свинскому П(етер)Б(ургу)» — то же, что и в №№ 50 и 51. «подаде от двора; в нем толку мало». Тургеневым не отмечено; *ВЕ* — слова «в нем толку мало» заменены точками.

«А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к говну, и вонь его. . .» Тургеневым слова «нужнике», «говну», «его» заменены точками; *ВЕ* — так же, но слово «его» оставлено.

№ 55. Слова «Первого ребенка ∞ разделить» Тургеневым не отмечены; *ВЕ* вся фраза заменена точками.

²⁸ В указанном выше парижском издании «Писем Пушкина к Н. Н. Гончаровой» М. Л. Гофмана и Сергея Лифаря отмечена (на стр. 30—31) ошибочность перевода как в наборе (по которому текст был напечатан в акад. издании «Переписки Пушкина», т. II, 1908), так и в правке Тургенева. В дальнейшем переводы Тургенева сличаются М. Л. Гофманом с новыми переводами, сделанными по подлинникам парижскими издателями, — и это сличение дает основания для суровой, но далеко не во всем справедливой критики переводов, правившихся Тургеневым; впрочем, издатели не имели в руках

№ 59. «схоронили как шута». Тургеневым слово «шута» заменено точками; *ВЕ* восстановлено.

№ 64. Слово «выблядок» Тургеневым в обоих случаях заменено на «незаконный»; *ВЕ* — «в. (незаконный)».

№ 66. «Граф Юрьев» Тургеневым заменено на «Гурьев»; *ВЕ* — «Граф Юрьев (Гурьев?)», что закрепило ошибочную догадку Тургенева, не знавшего, кто такой Юрьев (ростовщик), и не понявшего каламбура Пушкина.

№ 73. «Как нарисовал он эту группу, пьяница он, мошеник». Слово «мошеник», видимо не разобранное переписчиком и не набранное в корректуре, заменено Тургеневым точками. Слова «пьяница он» ничем не отмечены, и трудно сказать, почему они изъяты в тексте *ВЕ*.

Таковы важнейшие поправки, внесенные Тургеневым в корректуру писем Пушкина.

Посылая в Париж корректуру писем со своими вступительными замечаниями, Стасюлевич написал на ней несколько слов, обращенных к Тургеневу, в которых просил его написать «еще небольшое предисловие о значении и характере переписки для будущего биографа Пушкина» (см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 614). Выполнив просьбу Стасюлевича и, вероятно, следуя собственному убеждению в необходимости дать от себя предисловие, которое бы объясняло читателям (а не только «будущему биографу») значение писем и нейтрализовало бы их необычную откровенность и резкость, Тургенев тотчас сел за «предисловьице» «От издателя» и 21 ноября (3 декабря) послал его в Петербург (там же, стр. 234). Болезнь мешала работе. «Могло быть лучше сказано, да и то едва сладил», — писал он Стасюлевичу (там же).

Сохранившиеся материалы показывают, какое серьезное значение придавал писатель своему двухстраничному труду.

Прежде всего он составил подробный конспект, в котором по пунктам изложил основные положения своего предисловия.²⁹

Приводим полный текст этой «схемы».³⁰

Набр. <осок>

а) Едва ли кто может сомневаться в чрезвычайном интересе этих писем.

б) Не говоря уже о том, что каждая строка нашего величайшего поэта нам дорога и что в них, так же как и в других нам известных письмах П<ушкина>, так и бьет струею его светло-мужественный ум — прямизна, и верность его впечатлений.

Правдив <ость>.³¹

корректур с его правкой; недостатки первоначального текста переводов, которых он не мог целиком устранить, во многом объясняют дефекты переводов в «Вестнике Европы».

²⁹ Подлинник: *Bibl Nat* (Slave, 77; описание: *Mazon*, стр. 89, под обозначением «Premier schéma»); фотокопия: *ИРЛИ*, Р. 1, оп. 29, № 225.

³⁰ Приносим благодарность Т. П. Головановой за ее помощь в прочтении ряда мест, трудно разбираемых в автографе.

³¹ *Вписано*.

с) Исключительные условия, под которыми писались эти письма. Они бросают яркий свет и на самый характер Пушкина и дают ключ ко многим последовавшим событиям.

d) [П. <ушкин> был] Несмотря на свое франц<узское> воспитание, П <ушкин> был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени; и уже с этой точки зрения — его письма достойны внимания и изучения каждого русского, которому доступен его круг действия — не говоря уже об историках литературы и прочих историков.³²

e) Лично я считаю одним из почетнейших фактов моей литер. <атурной> жизни — избрание меня дочерью П <ушки>на как издателя и доверие, которое она оказала мне, возложив на меня ответственность за необходимые исключения.

f) Быть может, я до некоторой степени заслужил это доверие моим глубоким благоговением перед памятью ее родителя, учеником которого я считал себя с молодых ногтей и считаю себя до сих пор. . . Vestigia semper adora.³³

g) Тщательный пересмотр писем привел меня к убеждению, что можно было ограничиться только самыми необходимыми исключениями, в больш<инстве> случаев они эти иск.<лючения> обусловлены энергией фразы;³⁴ П. <ушкин> как русск<ий> человек, да и к тому же в письмах, носящих строго частный характер, не любил стесняться.

h) Не должно также забывать, что со времени писания этих писем прошло почти полвека — и что, след. <овательно>, когда³⁵ дело идет о выяснении такой личности,³⁶ какой был П <ушкин>,³⁷ — история вступает в свои права — и давность облекает <?>,³⁸ покрывает своим покровом то, что могло бы³⁹ показаться слишком интимным, слишком близко касающимся отдельных частных лиц.

i) Сама дочь поэта, решившись поделиться с публикою корреспонденцией своего родителя, адресованной к его жене ее матери, освятила, так сказать, наше право [переложить] весь вопрос в более⁴⁰ возвышенную и безучастную [как бы] документальную сферу.⁴¹

j) Нам остается поблагодарить ее за этот поступок, на который она, конечно, решилась не без некоторых колебаний, и вы-

³² Так в подлиннике.

³³ Следы прошлого всегда обожай (лат.); вписано.

³⁴ Вместо в больш. случаев ∞ фразы было: Они и [от] [вызваны] более к энергии выражений

³⁵ Далее было начато: так <ая>

³⁶ дело идет о такой фигуре

³⁷ а. как П. <ушкин> б. которую зовем <?>

³⁸ облекает <?> вписано; правка не закончена.

³⁹ то что может

⁴⁰ Далее было: а. высокую сферу б. возвышенную и безучастную как бы историческую сферу

⁴¹ Далее было: это не <нрзб> это документы.

разить надежду,⁴² что ту же благодарность почувствует и докажет ей общественное мнение.⁴³

Публикуемый «набросок», большинством своих формулировок уже совпадающий с окончательным (печатным) текстом, послужил основой для черновика, отличающегося от него, по-видимому, лишь связным изложением.⁴⁴ Черновик был переписан набело, и этот перебеленный с поправками автограф сохранился в парижском собрании С. М. Лифаря; его варианты опубликованы в цитирувавшемся выше издании.⁴⁵ Они очень немногочисленны, в большинстве совпадают с текстом «наброска» и дают следующие отличия:

Вместо этих новых писем Пушкина *было* новых писем, предлагаемых публике (*последние два слова зачеркнуты*);

вместо не говоря и о том *было* начато: не говоря так же;

вместо в этих письмах — как и в прежде появившихся *было* в этих письмах — так же как и *т. д.*;

вместо они бросают яркий свет *было* письма эти бросают и *т. д.*;

вместо его письма достойны внимания *было* его письма достойны внимания и изучения;

вместо со времени начертания этих писем *было* со времени написания и *т. д.*;

вместо поблагодарить графиню Н. А. Меренберг *было* первоначально поблагодарить ее.

Этот первый беловик был, очевидно, переписан вторично, и последняя рукопись, в качестве наборной, отправлена в Петербург; до нас она не дошла.

Сам Тургенев смотрел на свое предуведомление «От издателя», в котором, по его словам, он являлся «более дипломатом, чем литератором» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 247), как на необходимое условие для правильного восприятия читателями и критикой таких — единственных в своем роде — документов, условие для предохранения их от кривотолков и непонимания. Он боялся за впечатление, какое произведут эти интимно-семейные, необычайно откровенные эпистолярные высказывания; считал, что «слишком уж мало повымарал из пушкинских писем», и предоставлял редактору журнала по своему усмотрению помочь этому делу; но полагал, что «вследствие объяснений и *carpatio benevolentiae*⁴⁶ в предисловии, всё обойдется благополучно» (там же, стр. 241).

Действительность, однако, не оправдала предположений Тургенева: Стасюлевич, пересматривая корректуру, не только не добавил вычерков и сокращений, но, наоборот, восстановил значительную часть изъятых или завуалированных писателем слов, выражений и целых пассажей, сделав понятным читателю многое, что должно было быть от него скрыто; на это Тургенев, после получения январской книжки «Вестника Европы» с первой половиной писем, смущенно и горько жаловался Анненкову (см.: *Письма*,

⁴² и надеяться

⁴³ и выразит наша публика.

⁴⁴ Полная фотокопия чернового автографа (*Bibl Nat*, см. выше) в ИРЛИ отсутствует.

⁴⁵ М. Л. Гофман и Сергей Лифарь. Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Париж, 1935—1936, стр. 25—26.

⁴⁶ искательства благоволения (*лат.*).

т. XII, кн. 1, стр. 261: «Стасюлевич не совсем хорошо поступил со мною» и т. д.). С другой стороны, «дипломатическое» предисловие не помогло, и публикация вызвала в публике — в разных кругах читателей и по разным основаниям — в лучшем случае недоумение и непонимание, в худшем же — возмущение и резкое осуждение. «Первая половина [писем] в публике не имела успеха. Письма, видишь, нашли слишком бесцеремонными и грубыми», — констатировал Тургенев в феврале, в письме к Анненкову; «... письма <...> решительно не понравились нашей благоприличной публике», — сообщал он тому же корреспонденту месяцем позже, когда (в мартовском номере «Вестника Европы») вышла и вторая их часть (там же, стр. 279 и 300). Характерным было, с одной стороны, «великосветское» мнение И. П. Арапетова, «совершенно возмущенного теми резкими выражениями, которые П <ушкин> употребляет в корреспонденции с „хорошенькой женщиной“!» (там же, стр. 279); с другой стороны — доведенное до абсурда грубое непонимание писем Пушкина, их публикаторов и самого поэта, высказанное, например, Г. Е. Благосветловым в письме к А. П. Пятковскому, где письма презрительно квалифицировались как «домашний хлам», который «рояет Пушкина»: «Пора бы этой пошлости положить конец, вразумив этих дураков?!», что не всякий же домашний сор имеет право на историческое значение». ⁴⁷ Мы не знаем, как восприняла публикацию Тургенева (т. е. его редакторскую работу) гр. Н. А. Меренберг — да вряд ли ее мнение и представляет интерес, — но из писем Тургенева известно, что ее братья — сыновья поэта А. А. и Г. А. Пушкины («к сожалению, весьма плохенькие», по замечанию Тургенева) — собирались будто бы приехать в Париж, чтобы «поколотить» его «за издание писем их отца» (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 302, а также 309—310). Вероятно, — как и предполагал Тургенев — это была «просто сплетня, если не мистификация», но самое возникновение такой сплетни, о которой сочли нужным сообщить в Париж Тургеневу, — факт весьма характерный. ⁴⁸

После издания писем Пушкина возник вопрос о дальнейшей судьбе их подлинников. Графиня Меренберг требовала от Стасюлевича возвращения ей автографов (*Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 399). Стасюлевич же хотел, чтобы они остались в России — он желал, по-видимому, передать их в Пушкинский Лицейский музей, ⁴⁹ тогда только что учрежденный.

Посредничество Тургенева, к которому обратился Стасюлевич (см.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 415), не имело успеха (см.: *Стасюлевич*,

⁴⁷ «Русская старина», 1915, № 3, стр. 645; приведено в работе: М. П. Алексеев. Письма И. С. Тургенева. *Письма*, т. I, стр. 118.

⁴⁸ Поездка сыновей Пушкина в Париж в марте 1878 г. едва ли была возможной хотя бы потому, что старший из них, А. А. Пушкин, бывший тогда командиром Нарвского гусарского полка, находился в то время в армии, на Балканах.

⁴⁹ См. письмо к нему В. Н. Герарда, который уже в 1896 г. вспоминал, что «когда-то» Стасюлевич предлагал ему «передать в Музей А. С. Пушкина в Лицее подлинные письма его к жене» и, думая, что они еще у редактора «Вестника Европы», спрашивал, не согласится ли он «передать их теперь в музей А. С. Пушкина» (*Стасюлевич*, т. III, стр. 656). В. Н. Герард, известный тогда адвокат, представлял после смерти Тургенева имущественные интересы Полины Виардо в России.

т. III, стр. 654 — письмо гр. Меренберг, где она пишет, что «не в силах принести ту жертву», которую он от нее ожидает: «Я так дорожу письмами Отца моего, что, конечно, при жизни никогда добровольно не расстанусь с ними». В начале 1879 г. автографы писем были ей возвращены (см.: там же). Но через несколько лет, вероятно по требованию брата, А. А. Пушкина, после переговоров при встрече в Москве в 1880 г., на открытии памятника Пушкина, графине пришлось расстаться с автографами, оставив у себя лишь французские письма поэта к Н. Н. и Н. И. Гончаровым. Все остальные, т. е. русские письма его к жене, были переданы А. А. Пушкиным в Румянцевский музей, правда, в запечатанном конверте: никто из редакторов писем Пушкина не мог их видеть, и все дореволюционные издания, включая и академическое 1906—1911 гг., воспроизводили тексты, отредактированные Тургеневым. Только в 1926 г. автор настоящей статьи, помогавший Б. Л. Модзалевскому в сверке текстов писем для его издания, получил доступ к их автографам в Гос. библиотеке СССР имени В. И. Ленина.⁵⁰ Сверка показала большую точность и полноту тургеневских текстов, к которым почти ничего не пришлось добавлять. Но издать вновь по автографам письма Пушкина к жене стало возможно лишь в III томе издания «Писем Пушкина» (1935, под ред. Л. Б. Модзалевского — письма за 1831—1833 гг.) и в VI томе издания «Academia»—Гослитиздат (1938, письма за 1834—1836 гг.). В настоящее время все автографы русских писем и один французский хранятся в Пушкинском доме. Прочие же 13 автографов французских писем 1830 и 1831 гг., оставшиеся у гр. Меренберг, находятся и до сих пор за рубежом, в парижской коллекции Сергея Лифаря.

Запрет, наложенный сыновьями Пушкина на автографы писем поэта к своей жене, без их разрешения изданных Тургеневым, распространен был и на новое их издание. Когда в 1882 г. П. А. Ефремов в редактированном им собрании Сочинений А. С. Пушкина (изд. Ф. И. Анского) впервые собрал в отдельном VII томе все известные тогда письма Пушкина, числом 375, он должен был отказаться от включения в том «по независящим обстоятельствам» не только писем поэта к невесте и жене, но и к родным жены — Гончаровым, ограничившись только указаниями на места их публикаций (т. VII, стр. 468). В это время, как известно, право наследственной собственности на сочинения Пушкина, особым постановлением продленное до 50 лет вместо 25 по закону, принадлежало его наследникам — сыновьям и дочерям, — от которых зависело согласие на все отдельные издания и на их состав. Лишь по истечении 50 лет со дня смерти Пушкина — 29 января 1887 г. — его сочинения и письма из частной собственности его семьи стали общественным достоянием, и тогда его письма — включая и письма, опубликованные Тургеневым, и письма к Гончаровым вышли сразу полностью в двух изданиях — В. В. Комарова, под редакцией П. А. Ефремова, и Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда), под редакцией П. О. Морозова.

⁵⁰ Письма были заключены в большой конверт с надписью рукою гр. Н. А. Меренберг: «Его Превосходительству Александру Александровичу Пушкину».

Так закончилось, уже после смерти Тургенева, начатое по его инициативе большое и трудное дело издания одного из замечательнейших памятников русской эпистолярной литературы — писем Пушкина к невесте и жене.⁵¹

Нельзя в заключение не отметить одного обстоятельства — влияния работы Тургенева над письмами Пушкина на его творческие замыслы. Именно к тому времени, когда вышла первая часть «Новых писем» и печаталась вторая, относится первое упоминание о задуманной им «статье о Пушкине», которую он хотел приготовить к майскому номеру «Вестника Европы» (в письме к Стасюлевичу от 21 января (2 февраля) 1878 г.: *Письма*, т. XII, кн. 1, стр. 269).⁵² В письме от 14 (26) февраля он сообщал своему издателю: «Статью о Пушкине начал и пишу. Надеюсь кончить к сроку» (там же, стр. 286). Но уже через десять дней уверенность покидает его: «не могу я, любезнейший друг, писать он Стасюлевичу 24 февраля (8 марта), с достоверностью обещать Вам Пушкина к маю < . . . > Статья будет написана — это верно; но когда? Это менее верно. . . вспомните историю с „Новью“. Горбатого исправит одна могила. . .» (там же, стр. 290). Еще через четыре дня он вновь обещает статью — но это последнее упоминание о ней (там же, стр. 291). Статья, задуманная, вероятно, под влиянием работы над письмами Пушкина, так и не была написана и не оставила никаких следов в рукописях Тургенева. Но к пушкинской теме он еще раз вернулся через два года — и создал свое самое значительное произведение, посвященное ей, — речь о Пушкине 7 июня 1880 года.

Н. В. Измайлов

ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА КИЕВСКОМУ ДРАМАТИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ

К лету 1882 г. состояние здоровья Тургенева ухудшилось настолько, что он понял: он уже не сможет приехать на родину, как предполагал.

«Будьте так добры, не зовите меня в Спасское, — писал он Ж. А. Полонской 29 июня из Буживаля, — не говорите, как бы я там поправился, как бы хорошо за мной ухаживали < . . . > и т. д. Все это я отлично знаю — но это только больше мучит меня».¹

⁵¹ Законченную и подробно аргументированную теорию о недопустимости публикации личных писем (и вообще материалов, не предназначенных к печати), оставшихся после смерти писателей и других деятелей, убежденно выразил десятилетие спустя И. А. Гончаров в статье «Нарушение воли», написанной по поводу публикаций писем Пушкина (Тургеневым и другими), самого Тургенева (Тургенев. *Первое собрание писем*), Кавелина и Крамского. См.: «Вестник Европы», 1889, № 3, стр. 71—90; И. А. Гончаров. *Собрание сочинений*, т. VIII, Гослитиздат, М., 1955, стр. 114—135; ср. замечания М. П. Алексеева в указ. рецензии на «Письма Пушкина» под редакцией Б. П. Модзалевского, стр. 312—313.

⁵² В «Указателе произведений И. С. Тургенева», упоминаемых в данном томе (стр. 710—711), статья о Пушкине пропущена.

¹ *Письма*, т. XIII, кн. 1, стр. 295—296.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы
(П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

ТУРГЕНЕВСКИЙ СБОРНИК

МАТЕРИАЛЫ
К ПОЛНОМУ СОБРАНИЮ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
И. С. ТУРГЕНЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« НА У К А »
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1969